

БЕЛЬСКИЙ СТАНИСЛАВ ВИКТОРОВИЧ

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА И
СЕВЕРНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ XI–XV вв.
(ХРОНОЛОГИЯ ВЕЩЕВЫХ КОМПЛЕКСОВ)

07.00.06 – археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

2013

Научный руководитель:

кандидат исторических наук

Лесман Юрий Михайлович

Официальные оппоненты:

Кочуркина Светлана Ивановна,

доктор исторических наук, Институт языка,
литературы и истории

Карельского научного центра РАН,
заведующая Сектором археологии

Седых Валерий Никандрович,

кандидат исторических наук, доцент,

Санкт-Петербургский государственный
университет, Исторический факультет,
кафедра археологии, доцент

Ведущая организация:

Новгородский государственный

университет им. Ярослава Мудрого

Защита состоится «05 июня» 2013 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 002.052.01 при Институте истории материальной культуры РАН по адресу С.-Петербург, Дворцовая набережная, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории материальной культуры РАН.

Автореферат разослан «___» «_____» 2013 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Одной из ключевых исследовательских задач в археологии является разработка вопросов хронологии. Одной из особенно дискуссионных проблем остается построение детальной хронологии древностей Карелии эпохи железного века – Средневековья.

Объективные трудности датировки карельских могильников этого времени связаны с особенностями состава комплексов погребений. Также в регионе пока недостаточно изучены поселения этого времени, которые могли бы дать серии датированных вещей, сопоставимых с находками в погребениях.

Продолжающееся пополнение археологических источников позволяет не только разработать проблемы хронологии ранее слабо изученных периодов, но и уточнить, а в некоторых случаях и пересмотреть существующие хронологические схемы.

Объектом исследования является хронология вещевых комплексов из погребальных памятников Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XV вв. Диссертационное исследование является региональным, посвященным анализу локальной группы древностей, обладающей ярко выраженной культурной спецификой.

Предмет исследования – вещевые комплексы и типы входящих в них артефактов, для которых время бытования в культуре определено с достаточной степенью надежности в различных региональных хронологических системах.

Цели и задачи исследования

Основной **целью** работы является построение хронологии погребальных памятников Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XV вв. Для этого требуется решить следующие **задачи**:

1. Атрибуция артефактов в рамках существующих типологий;
2. Определение их хронологии на основе синхронизации с хронологическими шкалами, разработанными для соседних регионов;

3. Проверка полученных дат на непротиворечивость;
4. Датирование комплексов погребений из карельских могильников;
5. Характеристика изменений в составе сопроводительного инвентаря в контексте развития погребальной обрядности.

Автор не ставил перед собой задачи разработки собственной типологии артефактов из карельских могильников, поскольку из нее не будет следовать хронология вещей, следовательно, комплексов. Работа основана на датах типов, уже полученных другими исследователями при разработке хронологии для тех или иных региональных групп древностей.

Территориальные рамки исследования определяются исторически сложившимися границами Карельского перешейка и Северного Приладожья, в основном соответствующие современной территории Выборгского и Приозерского районов Ленинградской области и Лахденпохского и Сортавальского районов Республики Карелия.

Под Северным Приладожьем в диссертации понимается территория, примыкающая к изрезанному шхерами северному берегу Ладожского озера, ориентировочно от западного побережья залива Лехмялахти (к северу от современного города Приозерск Ленинградской области) на западе и до восточного побережья залива Линкуланлахти (до района пос. Салми республики Карелия) на востоке, включая острова внутреннего архипелага. Естественной северной границей региона служат южные отроги гряды Салпаууселькя. В пределах этого региона особенно выделяется Северо-Западное Приладожье, где отмечена наибольшая концентрация археологических памятников всех эпох (Герасимов, Бельский, Лисицын, 2007; Герасимов, Субетто, Бельский, 2008; Mokkonen, Nordquist, Belskij, 2007).

Территория Карельского перешейка определяется естественными границами: Финским и Выборгским заливами с запада, Ладожским озером с востока и рекой Невой с юга.

Наиболее сложен вопрос о западной границе исследуемого региона. Эту границу можно провести на территории современной Юго-Восточной Финляндии: археологические памятники этой области (Тууккала, Висулахти, Каускила и др.) представляют собой особое явление с собственной спецификой и в настоящем исследовании не рассматриваются.

Единого определения для данного региона не существует. В диссертации название «Карелия», а также производимое от него прилагательное «карельский», употреблены исключительно в качестве определения или характеристики большой самобытной культурно-исторической области XI–XV вв. Эту область нельзя отождествить ни с современной республикой Карелия в составе РФ, ни с губерниями в составе Финляндии. Под термином «корела», заимствованным из древнерусских летописей, в диссертации подразумевается только население изучаемого региона XI–XV вв.

Хронологические рамки исследования охватывают период XI–XV вв. Выбор хронологических рамок обусловлен состоянием и качеством источниковой базы, а также степенью разработанности хронологии.

Поскольку автор считает возможным рассматривать средневековую Карелию как историко-географический регион, тесно связанный с Финляндией, в исследовании использована периодизация изучаемой эпохи, принятая для Финляндии и Скандинавских стран. Период XI–XV вв. включает в себя конец эпохи викингов (XI в.), эпоху Крестовых походов (XII–XIV вв.) и позднее Средневековье (XIV–XV вв.).

Следует отметить, что XV в. не является верхней хронологической границей карельской культуры в целом, а лишь завершает ее определенный этап.

Источниками для диссертационного исследования послужили материалы раскопок погребальных памятников, проводившихся с 1880-х гг. вплоть до настоящего времени. Ряд материалов опубликован, сведения о других получены при работе в архивах и фондохранилищах ИИМК РАН, Национального музейного ведомства Финляндии, Национального музея

(Kansallis museo) в Хельсинки, губернского музея Турку, МАЭ (Кунсткамера) РАН, других собраний. Важную часть источниковой базы составляют материалы могильника Кюлялахти Калмистомяки, раскопывавшегося автором в 2005–2009 гг. (Бельский, 2007; 2012а; 2012б; Бельский, Хартанович, 2006; Бельский, Лааксо, 2008; 2009а; 2009б; 2010; 2011; Шахнович, Бельский, 2009; Laakso, Belskiy, 2011; Bel'sky, Laakso, 2012).

При анализе источников использовались также материалы разведок и рекогносцировочных раскопок, в том числе, проведенных автором (Бельский, Лааксо 2010; Бельский, 2012б).

Всего в диссертационном исследовании использован материал из 83 комплексов погребений. В совокупности указанные комплексы включают 357 артефактов, обладающих хронологически значимыми типами. Данные об изученных комплексах сведены в Приложение 1.

Научная новизна работы определяется недостаточностью существующих хронологических разработок по древнекарельской культуре, а также необходимостью осмысления накопленных за последние годы принципиально новых материалов.

В проведенном исследовании впервые систематизирована и проанализирована вся совокупность инвентаря могильников, определены хронологически значимые типы артефактов. Автором разработана методика построения типохронологической шкалы для данной группы древностей, существенно скорректированы датировки вещевых комплексов, введены в научный оборот и проанализированы новейшие археологические материалы. На основании проведенного анализа предложена новая схема развития погребальной обрядности населения региона в изучаемый период. В исследовании впервые составлен полный свод инвентарных погребений, включающий описания и иллюстрации.

Методы исследования. Методической основой работы является комплексный вещеведческий и хронологический анализ находок из погребальных

памятников средневековой корелы. Применяются типологический, картографический, сравнительно-аналитический методы исследования артефактов.

Практическое значение работы

Представленный в диссертации опыт разработки хронологии дает методическую возможность проведения аналогичных исследований для соседних регионов: Саво, Ижорского плато, Эстонии и других. Представленные материалы и выводы могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории Карелии, Приладожья, Северо-Запада России, Финляндии и других стран Балтийского региона (Бельский, 1999). Также они могут быть использованы при подготовке лекционных курсов, построении музейных экспозиций, в том числе МАЭ РАН, для атрибуции, паспортизации и каталогизации музейных коллекций, подготовке экскурсий, краеведческой работе и научно-просветительской деятельности. Материалы могильника Кюлялахти Калмистомяки включены в состав музейного фонда Российской Федерации (коллекция МАЭ РАН №7426).

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации представлены в 1 монографии и 23 статьях на русском, английском, шведском и финском языках. Отдельные разделы диссертации обсуждались на заседаниях Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, Ученого Совета и отдела Археологии МАЭ РАН, региональных, всероссийских и международных конференциях в Санкт-Петербурге, Новгороде, Пскове, Твери, Выборге, Приозерске, а также в Турку и Лаппеенранте (Финляндия), Кракове (Польша). Диссертация обсуждена на заседании Сектора архитектурной археологии Государственного Эрмитажа и Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН.

Структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, четырех глав (глава III дополнительно разделена на четыре раздела), Заключения, списков использованной литературы, источников, архивных материалов, сокращений, четырех приложений (Приложение 1 – Каталог комплексов, При-

ложение 2 – Хронологически значимые типы, Приложение 3 – Каталог хронологически значимых типов в комплексах, Приложение 4 – Сводные таблицы дат комплексов) и Альбома иллюстраций, включающего 194 иллюстрации в виде карт, рисунков, фотографий вещей и хронологических таблиц.

Основные защищаемые положения

1. Построение хронологической шкалы погребальных памятников Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XV вв. возможно на основе синхронизации с внешними хронологическими шкалами

2. Комплексы трупосожжений из памятников Карельского перешейка и Северного Приладожья можно датировать несколько более поздним временем, чем считалось ранее – вплоть до конца XII в., возможно, и началом – первой половиной XIII в.

3. Могильники, содержащие захоронения в могильных ямах (преимущественно ингумации), датируются не ранее 1220-х гг. Их материалы отражают погребальную обрядность лишь одной из групп древнего населения региона.

4. Появление в регионе трупоположений в могильной яме является радикальной новацией погребального обряда и связано с началом христианизации.

5. Следующий этап развития грунтовых могильников датируется 1310–1400-ми гг. В этот период происходят существенные изменения в погребальном обряде, составе комплекса украшений, costume. Основные причины этих изменений: становление церковной организации, расширение и интенсификация внешних связей населения Карелии.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается общая географическая характеристика Карельского перешейка и Северного Приладожья, обосновывается актуальность исследования, формулируются цели и задачи, определяются территориаль-

ные и хронологические рамки работы, описываются особенности комплекса привлекаемых источников.

Глава I. Основные этапы археологического изучения памятников железного века – Средневековья Карельского перешейка и Северного Приладожья

В главе рассматривается история изучения хронологии археологических памятников железного века – Средневековья Карелии в контексте формирования источниковой базы. Можно выделить несколько этапов.

Начальный этап (1840–1870-е гг.) характеризуется начальным накоплением сведений по истории, этнографии, лингвистике и фольклору финно-угорских народов. Значение его заключается в том, что еще до начала систематических археологических исследований был накоплен значительный фактический материал, ставший основой для дальнейших поисков памятников и последующих научных обобщений.

Начало археологического изучения памятников железного века Карелии (1870-е – 1917 г.). Формирование собственно научного подхода в изучении карельских древностей, начало систематических полевых работ на различных категориях объектов, относится к 1870-м гг. и связано, прежде всего, с деятельностью крупнейших финляндских археологов Т. Швиндта (1851–1917) и Я. Аппельгрена (1853–1937).

Изучение памятников железного века Карелии в межвоенный период (1917–1940-е гг.). Новая стадия интереса к памятникам региона проявляется в 1920-е гг. и связана, прежде всего, с находками новых типов археологических объектов. Полевые археологические исследования проводились А. Европеусом, С. Пяльси, Н. Клеве, Й. Войонмаа и Э. Кивикоски. Первым обобщающим трудом, посвященным карельским древностям железного века, является работа К.А. Нордмана, который первым предпринял серьезную работу по датировке карельских древностей и определил время существования карельских могильников периодом 1050–1300 гг.

Изучение памятников железного века Карелии в 1940–1990-е гг. в

работах советских ученых. Этот этап можно начать с программной статьи В.И. Равдоникаса (1940 г.), сформулировавшей задачи советской археологии в отношении изучения вновь приобретенных территорий. Однако систематические полевые исследования крельских памятников железного века – Средневековья начались только в 1970-х гг. Работы велись в основном силами двух организаций: Сектора славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР (с 1991 г. ИИМК РАН) под руководством А.Н. Кирпичникова и Сектора археологии Института истории, языка и литературы (ИЯЛИ) Карельского филиала АН СССР под руководством С.И. Кочкуркиной. Основные итоги этих исследований были подведены в обобщающих работах С.И. Кочкуркиной и А.И. Сакса.

Карельская проблематика в работах финляндских ученых в 1940–1990-е гг. После утраты Финляндией территории Карельского перешейка и Северного Приладожья, интерес финляндских исследователей был переориентирован на детальное изучение музейных коллекций. Особенно важны детальные исследования овально-выпуклых фибул, проведенные О. Халльстремом, П.-Л. Лехтосало, Э. Линтури, Л. Томантеря, Ю.-П. Таавитсайненом. В 1997 г. опубликована важная монография П. Уйно, посвященная обобщению археологических материалов Карельского перешейка и Приладожья от эпохи бронзы до Средневековья. Своего рода завершением этого этапа является объемный коллективный труд финляндских исследователей “Viipurin läänin historia”(«Истории Выборгской губернии»), два первых тома которого посвящены археологии и средневековой истории Карелии и сопредельных с ней регионов.

Археологическое изучение Карельского перешейка и Северного Приладожья в настоящее время. С конца 1990-х гг. археологические работы в регионе приобрели более интенсивный характер и затронули мало изученные ранее категории памятников. С 1998 г. Выборгской археологической экспедицией под руководством А.И. Сакса ведутся раскопки на тер-

ритории средневекового Выборга (Saksa, Belskiy, Kurbatov, Polyakova, Suhonen, 2002a; Saksa, Belskiy, Suhonen, 2002b; Сакса, Бельский, Курбатов, Полякова, 2003; Belskiy, Saksa, Suhonen, 2003). В Северном Приладожье С.И. Кочуркина предприняла масштабные раскопки на городищах Паасонвуори, Соускуа, Хямеенлахти, Терву Линнасаари. С начала 2000-х гг. в Северном Приладожье работает экспедиция МАЭ РАН (Кунсткамера) под руководством автора. За последние годы им проведены разведочные обследования, учет случайных находок, раскопан ряд могильников (Бельский, 2005; 2006; 2012a; Laakso, Belskiy, 2011).

Накопленный с конца 1990-х гг. значительный новый материал настоятельно требует осмысления и введения в научный оборот.

Глава II. Особенности корпуса источников и методы разработки хронологии карельских могильников XI–XV вв.

В главе рассматриваются основные методы разработки хронологических систем применительно к материалам средневековых карельских могильников, анализируются сильные стороны и ограничения существующих методик.

Построение надежной хронологии карельских древностей пока возможно только на материалах погребальных памятников, в которых представлены комплексы однократного формирования. Под комплексом *однократного формирования* понимается совокупность артефактов, связанных совместными находением и обстоятельствами, с непреложностью говорящими о совместном участии этих артефактов в событии, которое привело к их отложению. Достоверность информации (преимущественно полевой документации и публикаций) служит основным критерием выбора комплекса для хронологического анализа. Комплексы, полнота и достоверность которых вызывает сомнения, из анализа исключены.

Карельские грунтовые могильники. Общая характеристика

Во всех известных к настоящему времени могильниках, связываемых со средневековой корелой, представлен исключительно грунтовый обряд захоронения (как по обряду кремации, так и ингумации). Какие либо заметные наземные сооружения отсутствуют. Могильники размещались на невысоких возвышенностях в определенном типе ландшафта. Выбор места под будущее кладбище определялся рядом устойчивых факторов.

Однако разведочные исследования, проведенные автором в последние годы, выявили не известные ранее типы погребальных памятников. К ним относятся, в частности, могильники, расположенные на небольших островах (Бельский, 2012в). Кроме того, мониторинг активности т.н. «черных копателей» позволил зафиксировать существование отдельных погребений по обряду трупосожжения, расположенных на скалистых склонах, среди валунов и т. п. Такие захоронения также составляют особую группу погребальных памятников.

Современное состояние источниковой базы

В разделе подробно рассмотрены погребальные комплексы с точки зрения возможностей построения их хронологии.

К комплексам трупосожжений отнесены следующие объекты: Лопотти в Куркийоки Лаенмяки (2 пункта), Наскалинмяки, Хеннонмяки.

К грунтовым могильникам, материал которых позволяет провести хронологический анализ в рамках изучаемого периода, относятся: Суотниэми (5 погребений); Кекомаки (6 могил, 14 погребений); Кулхамьяки (2 потревоженные могилы); Тонтинмяки (25 могил, 32 (предположительно) погребения, из которых только в 11-ти найдены артефакты); Леппясенмяки (4 могилы, 4 погребения, но только в двух найдены артефакты); могильник Сяппяйс (предположительно, 2 потревоженных погребения в одной могиле); Паямяки 1/1917 (1 погребение); Патья (2 погребения); Куркийоки Кууппала (3 могилы, но лишь в одной найден датирующий артефакт); Кюлялахти

Калмистомяки (93 погребения, 186 артефактов) и отдельные комплексы в могильнике Пихляянмяки (1 погребение) и Кирву Киркалайнмяки (1 погребение).

Методы разработки хронологических систем

Ключевым понятием в диссертации является *«региональная (автономная) типохронологическая система»* – это определенный набор типов и обоснованных дат их бытования, определенный в рамках конкретного хронологического диапазона и региона. Построение таких систем возможно на основании различных методов и их сочетаний (стратиграфический, нумизматический, стилистический, типологический, корреляционный методы, метод синхронизации, комплекс естественнонаучных методов и др.).

При изучении карельских древностей железного века – Средневековья, преимущественно использовались типологический, корреляционный методы и метод синхронизации, каждый из которых имеет как ограничения, так и преимущества.

Метод построения типологических рядов

Наиболее продуктивно этот метод был использован для изучения т.н. карельских овально-выпуклых фибул. Уязвимость метода заключается в том, что эти построения опираются на датировки прототипов на другой территории, в Скандинавии. Однако динамика типологических изменений не известна, следовательно, сложно выяснить, когда именно дериваты скандинавских овальных фибул появились собственно в Карелии. Кроме того, типология артефактов сама по себе не дает оснований для абсолютного датирования, не говоря уже о том, что возможна иная, нехронологическая интерпретация типологических рядов.

Метод совстречаемости или линзо-хронологический

Этот метод был применен в исследованиях С.И. Кочкуркиной и, с дополнениями, А.И. Сакса. В главе дан развернутый анализ метода и результатов указанных работ, в особенности А.И. Сакса, поскольку предлагаемая диссертация частично отталкивается от выводов этого исследователя.

Метод синхронизации

Относительно недавно Ю.М. Лесман предпринял попытку датирования карельских комплексов на основе новгородской вещевой хронологии. Процедура датирования опирается только на шкалу новгородских типов, что вновь заставляет вернуться к вопросу о степени применимости новгородской шкалы для Карелии. Очевидно, что новгородские вещи попадали в Карелию позже, чем появились в Новгороде, а бытовать могли дольше. Тем более это касается местного производства изделий, однотипных новгородским. Кроме того, необходимо учитывать и иные источники импортов и влияний (Скандинавия, Западная Финляндия, Прибалтика, Центральная и Западная Европа), где вещи, типологически близкие новгородским, могли бытовать в иных хронологических рамках. Более того, часть новгородских типов восходят к северо/западноевропейским образцам, следовательно, их распространение в Новгороде происходило позже, чем в регионах их возникновения. При этом в Карелию, как «пограничную» зону они могли проникать раньше, чем в Новгород.

Возможности разработки хронологии карельских могильников

Карелия долгое время находилась под экономическим и культурным влиянием Новгорода, а с XIV в. и под его прямым управлением. Но в ее материальной культуре в разное время отчетливо прослеживается и культурное влияние Центральной и Северной Европы. Целесообразно рассмотреть отражение этих внешних связей с учетом современных хронологических разработок.

Процедура датирования опирается на следующие, требующие проверки, гипотезы:

1. Существует возможность синхронизации комплексов (погребений), содержащих вещи как местного производства, так и импортированные, с хронологическими шкалами Восточной Европы, в первую очередь, Новгорода.

2. Существует возможность синхронизации комплексов (погребений) с хронологическими системами Северной и Центральной, в некоторых случаях, Западной Европы, преимущественно Скандинавии и Северной Германии.

Построение хронологии осуществлялось последовательно в несколько этапов.

Этап 1. Выявление хронологически значимых типов

В диссертационном исследовании в качестве центрального понятия вводится «*хронологически значимый тип*», под которым понимается сводный набор сходных значений признаков объектов из опорной серии, которые достаточно компактно локализуются во времени. Выделение типа предполагает атрибуцию серийно представленных вещей или элементов в той или иной автономной хронологической системе. Примеры предлагаемого анализа представлены в Главе III. Результаты этой процедуры представлены в виде серии таблиц (Приложение 2). При таком подходе каждый тип имеет собственную дату бытования в рамках той или иной региональной шкалы. Всего в работе выделены 355 хронологически значимых типов.

Этап 2. Определение дат типов

В изучаемых комплексах серийно присутствуют хорошо датированные привозные изделия. Многочисленные артефакты новгородского или северо/центральноевропейского происхождения и подражания им не могли бы появиться в Карелии ранее их появления в регионе происхождения и, следовательно, можно определить возможную нижнюю дату выявленных импортов.

При синхронизации с новгородской хронологической шкалой за дату типа принимается интервал его непрерывной представленности в культурном слое.

Единой северо/центральноевропейской хронологической шкалы древностей для изучаемого периода не существует. Поэтому в этом случае

термин «шкала» употребляется достаточно условно. При определении дат этих артефактов автор опирался на современные обобщающие исследования (см. Главу III).

Этап 3. Проверка на наличие противоречий

Этап включает в себя две последовательные процедуры: проверка на наличие возможных противоречий в датировках внутри одной хронологической системы, то есть такие случаи, когда в комплексах однократного формирования (погребениях) совместно встречаются типы вещей, которые внутри этой системы не могли сосуществовать. Затем следует проверка на наличие возможных противоречий между хронологическими системами, то есть такие случаи, когда в комплексах совместно встречаются типы вещей, датировки которых существенно расходятся в разных системах.

Этап 4. Определение дат комплексов, могил и могильников

Комплекс однократного формирования рассматривается как система закрытых комплексов – вещей и их элементов (хронологически значимых типов). Количество хронологически значимых типов для одного изделия может превышать пятнадцать. Дата вещи определяется по пересечению их дат (Приложение 3 и Альбом иллюстраций).

Поскольку для датирования используется несколько независимых хронологических систем, обладающих собственным шагом шкалы, для каждого комплекса получены несколько дат, каждая из которых будет значима в рамках той или иной системы. Если в состав комплекса входят типы, представленные в нескольких системах, дата каждого из них имеет равное значение. Если среди полученных дат не выявлены противоречия, то для комплекса определяется итоговая дата.

В рамках диссертационного исследования для итоговых дат выбран «шаг» хронологической шкалы в 10 лет, а разные хронологические системы приведены в сопоставимую по «шкагам» форму. Такой подход позволяет учитывать возможный период, который мог пройти с момента изготовле-

ния вещи в регионе производства до ее появления в Карелии, а также время использования вещи в повседневной жизни и возможный период бытования в «живой» культуре после завершения традиции помещения таких вещей в погребения. При наличии данных о стратиграфии погребений окончательная дата определяется с учетом их стратиграфического соотношения с соседними.

Нижняя дата могилы, если в ней содержится несколько погребений, определяется по верхней дате наиболее ранней вещи, а верхняя дата – по нижней дате наиболее поздней. В свою очередь, каждый могильник рассматривается как *комплекс непрерывного формирования*. Минимальный период его существования (функционирования) в культуре определяется как период между верхней датой самого раннего комплекса и нижней датой самого позднего.

Поскольку для датирования используется несколько независимых хронологических систем, обладающих собственным шагом шкалы, для каждого комплекса могут быть получены несколько дат, каждая из которых будет значима в рамках той или иной системы. Если среди полученных дат не будут выявлены противоречия, то для комплекса может быть определена итоговая дата, основанная на пересечении дат в этих системах (Приложение 4).

Немногочисленность пригодных для анализа комплексов, изученных в период до Второй Мировой войны, компенсируется их богатством и, что особенно важно, большим числом хронологически значимых типов. Количество типов достигает шестидесяти и более, а в среднем равно двадцати.

Количество типов в комплексах могильника Кюлялахти меньше (максимально двадцать шесть, а в среднем равно шести), но это компенсируется количеством самих комплексов.

Глава III. Погребальный инвентарь карельских могильников в европейских типохронологических системах эпохи Средневековья.

Задачей данной главы является атрибуция изделий в рамках автономных региональных хронологических систем, определение дат в рамках этих систем, оценка степени их обоснованности. Исследование основано на привлечении практически всего вещевого комплекса.

Глава III включает четыре раздела: «Оружие», «Бытовой инвентарь», «Украшения и детали костюма», «Датирующие возможности конструктивно-технологических, морфологических элементов и декора карельских украшений и деталей костюма». Это разделение условно и принято для удобства систематизации. Для каждой группы соблюден региональный принцип: характеристика материала произведена в сравнении с крупными культурно-историческими регионами: Северной, затем Центральной, далее Восточной Европой (с выделением Новгорода как части Восточной Европы), Прибалтики и Финляндии.

Из анализа исключены некоторые категории вещей. В диссертации не рассматривается керамика, поскольку ее типохронологическая схема для Карелии на настоящий момент в стадии разработки. Также не анализируются орудия труда (мотыги, косы, серпы и пр.) как имеющие чрезвычайно широкие хронологические рамки бытования, что делает их применение для разработки хронологии нецелесообразным.

Раздел I. Оружие. В разделе проанализированы мечи (только типы поздней эпохи викингов и Крестовых походов), наконечники копий, топоры, наконечники стрел). Всего в рассмотренной категории выделены 58 хронологически значимых типов. Подавляющее большинство типов вооружения может быть надежно атрибутировано в параллельных хронологических системах, разработанных для Восточной, Северной и Западной Европы. Данные систематизированы в таблице (Приложение 2, табл. 1).

В могильниках с трупосожжениями на позднем этапе эпохи викингов и начале эпохи Крестовых походов комплекс вооружения представлен общими для восточнобалтийского региона типами мечей, копий и топоров.

В комплексах погребений могильников с труположениями уже проявляется некоторая региональная специфика в декоре изделий, но базовые типы остаются общими как для Восточной, так и Северной и даже, в определенной мере, Центральной Европы. В этот период существенным оказывается влияние новгородского массового ремесленного производства. Некоторые типы наконечников копий и, особенно, топоров находят прямые соответствия в культурном слое Новгорода, где представлены большими сериями и имеют надежную дату. Пока не вполне ясно, связано ли отмеченное явление с интенсивностью прямых торговых контактов или местное ремесленное производство заимствовало и воспроизводило новгородские технологические схемы.

Раздел II. Бытовой инвентарь. В разделе рассмотрены замки, ключи, гребни, ножи, бритвы, кресала. Результаты анализа представлены в виде таблицы (Приложение 2, табл. 2). Всего в рассмотренной категории выделены 12 хронологически значимых типов. Все типы изделий являются широко распространенными в железном веке – Средневековье на севере Восточной Европы (в т. ч. в Новгороде) и Прибалтике и надежно датируются. Местное ремесленное производство развивается в русле общих для указанных регионов традиций при некоторой консервации архаических черт, например, в технологии производства ножей.

Раздел III. Украшения и детали костюма. В разделе рассмотрены височные кольца, серьги, фибулы (овально-выпуклые, подковообразные, замкнутые, дисковидные), перстни, привески (монетовидные, крестовидные, зооморфные, привески-иконки, пуговицы, особые типы привесок), цепочки, грузики, ременная гарнитура (пряжки, накладки, разделители), бусы (стеклянные, бронзовые, серебряные), застежки-аграфы, шейные ленты, рукояти ножей. Типы ювелирных украшений или деталей костюма в подавляющем большинстве случаев также могут быть надежно атрибутированы в параллельных хронологических системах. Наиболее полно соотно-

сятся между собой региональные системы для таких категорий изделий как подковообразные или замкнутые фибулы.

Наибольшее количество типов могут быть атрибутированы в рамках новгородской шкалы. Многие из изделий являются либо прямыми импортами из Новгорода, либо местными подражаниями им. Новгородская шкала для датировки ювелирных изделий представляется на настоящий момент наиболее работоспособной. Также в комплексах присутствует большое количество северо/центральноевропейских импортов или подражаний им. Их надежная типологическая атрибуция важна для корректировки нижних дат, поскольку в Карелии эти вещи не могли появиться раньше времени начала их производства в Северной или Центральной Европе.

Распределение выявленных датирующих типов представлено в виде двух таблиц (Приложение 2, табл. 3 и 4). Всего в рассмотренной категории выделены 245 хронологически значимых типов.

Раздел IV. Датирующие возможности конструктивно-технологических, морфологических элементов и декора карельских украшений и деталей костюма. В разделе проанализированы датирующие возможности межкатегориальных хронологически значимых типов (конструктивных, морфологических, особенностей декора) для всей совокупности изделий из цветного металла (Бельский, 2013). Удалось выделить 40 типов, представленных в виде таблицы (Приложение 2, табл. 5).

Рассмотренные в главе III типы изделий в подавляющем большинстве случаев могут быть надежно атрибутированы в параллельных хронологических системах эпохи Средневековья, разработанных для разных регионов Европы. Среди всех представленных наиболее полной, разработанной и охватывающей значительное количество типов является новгородская система. Зачастую, но не во всех случаях и не для всех категорий изделий, новгородская и иные системы просто несопоставимы между собой. Поэтому типы, изученные в рамках новгородской системы, организованы в две

отдельные таблицы: «Ювелирные украшения и детали костюма по новгородской хронологической системе» и «Хронологически значимые межкультурные типы» (Приложение 2, табл. 4 и 5).

Соотношение разных систем между собой различно, как и различна степень охвата коллекции отдельными рассмотренными типологиями. Наиболее полно они соотносятся для такой категории как «Оружие» и для отдельных типов ювелирных изделий, например, подковообразных или замкнутых фибул.

Кроме того, среди изделий, представленных в карельских могильниках XI–XV вв., присутствуют типы, которые могут быть атрибутированы только в рамках одной или, максимум, двух систем. К ним относятся отдельные, не составляющие серий, уникальные ювелирные изделия.

Каждому из хронологически значимых типов присвоен индивидуальный индекс внутри категории и номер самого типа внутри категории. Список типов для каждого отдельного комплекса представлен в Приложении 3.

Глава IV. Хронология погребальных памятников Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XV вв.

В данной главе произведена процедура датирования комплексов погребений на основании дат хронологически значимых типов, выделенных в предыдущей главе. Для удобства систематизации, отдельно рассмотрены могильники, содержащие только кремации, и грунтовые могильники с погребениями в могильных ямах. В результате доказана возможность применения разработанной методики для хронологии изучаемой группы памятников.

Могильники с трупосожжениями. На основании проведенного исследования автор пришел к выводу о том, что традиция могильников с трупосожжениями над или внутри различных каменных кладок продолжает существовать на протяжении XII в., и даже XIII в. и, может быть, позднее, то есть кремации синхронны могильникам с грунтовыми ингумациями в могильных ямах.

Грунтовые могильники с погребениями в могильных ямах.

Полученные автором даты комплексов отличаются от дат, принятых в современной историографии, в сторону их омоложения. В ряде случаев это отличие весьма существенно. Период функционирования так называемых «карельских грунтовых могильников развитого этапа» ограничен только рамками XIII в. Среди известных на настоящий момент карельских грунтовых погребений, совершенных по обряду ингумации, достоверные комплексы XII в. отсутствуют. В двух случаях – Суотниэми 2 и Тонтинмяки 5:1 возможны случаи раритетного использования вещей, типологически относящихся к изделиям XII в.

Подавляющее большинство комплексов датировано временем не ранее 1220-х гг. (не ранее 15 яруса новгородской стратиграфической схемы) (комплексы 2, 5:2 в Кекомяки, погребение 1/1886 в Кулхамяки, погребения 1/1886, 3/1886, 5:2/1888, 9:1/1888, 13/1888 в Тонтинмяки). Временем не ранее 1230-х гг. (не ранее 14 яруса новгородской стратиграфической схемы) датированы комплексы погребений 2, 3, 4 в Суотниэми; 1:3, 5:1, 5:3, 6 в Кекомяки; 1/1888 в Тонтинмяки и 4 в Леппясенмяки). Ряд погребений может быть датирован временем не ранее 1250-х гг. (1:1, 2 и 3:1 в Кекомяки). Наиболее поздними комплексами являются погребения 1 в могильнике Суотниэми (1230–1290-е гг.) и 1:4 в Кекомяки (1300–1310-е гг.)

Материалы могильников Кюлялахти, Патья, Куркийоки Кууппала относятся к следующему, позднему этапу существования традиции грунтовых погребений. Его начало можно отнести ко времени не ранее 1290-х гг. Ряд комплексов (Кюлялахти №13, 31, 59, 63 и Патья 23) датированы временем не ранее 1340/1350-х гг. Вероятно, часть малоинвентарных комплексов относится к XV в.

Этот вывод подтверждается данными радиоуглеродного датирования, которые важны также для датировки погребений, не содержавших артефакты. Полученные результаты дали возможность существенно скорректировать

нижние даты некоторых комплексов (погребения № 38, 57а и 57б). Кроме того, проведенный внутригрупповой анализ показал наличие группы мужских черепов (погребения № 14, 15, 40 и 46), которые, возможно, являлись близкими родственниками и, следовательно, были погребены в относительно короткий промежуток времени. С учетом результатов данного анализа были скорректированы вероятные даты безынвентарных погребений.

В Заключении сформулированы основные выводы работы.

Проведенная процедура датирования подтвердила принципиальную возможность синхронизации материалов из могильников Северного Приладожья и Карельского перешейка с «внешними» хронологическими шкалами. Не было выявлено существенных противоречий между ними. Даты по северо/центральноевропейской системе дают значительно более широкий хронологический диапазон, чем даты по новгородской. Тем не менее, в ряде случаев, в особенности для итоговых дат комплексов Кюлялахти применение европейских дат дает возможность их существенной корректировки.

ВЫВОД 1. Погребальные памятники конца эпохи викингов – начала Крестовых походов представлены комплексами трупосожжений многократного формирования. Для этого времени характерны почти поверхностные погребения по обряду кремации нескольких индивидуумов, совершавшиеся периодически внутри или над каменными вымостками. Временной диапазон между началом и завершением функционирования того или иного объекта может быть значителен. Ряд объектов, ранее датированных в пределах XI в., в действительности могут быть датированы несколько более поздним временем. Комплексы, относимые ранее к рубежу X – первой половине XI в., автором датированы второй половиной XI–XII в. (Лаэнмяки Кяконен, Лаэнмяки Лопонен, Лапинлахти Наскалинмяки), а комплекс Лапинлахти Хеннонмяки – не ранее XII в. Таким образом, на территории Карельского перешейка и, вероятно, Северного Приладожья в течение второй половины XI–XII в. продолжает существовать самобытная и чрезвычайно

архаичная по облику погребальная традиция. Обилие случайных находок вещей XII–XIII вв., в том числе со следами воздействия огня, может свидетельствовать о том, что такие погребения или целые могильники были достаточно многочисленны.

ВЫВОД 2. Даты комплексов погребений в грунтовых могилах, изученных преимущественно Т. Швиндтом в 1880-х гг., не выходят за пределы XIII в., причем значительная их часть не может быть датирована временем ранее второй четверти этого столетия. Представленные результаты дают широкие возможности для датировки слоев поселений, синхронных могильникам. Таким образом, можно заключить, что так называемые «карельские грунтовые могильники», подавляющее большинство погребений в которых совершены по обряду ингумации в могильных ямах, представляют собой *узкохронологический и узколокальный феномен*. Этот феномен не может быть объяснен только хронологическими различиями.

ВЫВОД 3. Традиция, предполагающая захоронения несожженных тел умерших в грунтовых могилах, не имеет истоков в обрядности предшествующего периода и является очевидной новацией. Различия между погребальными памятниками XI–XII вв. и XIII в. слишком существенны, чтобы предполагать, что их причиной могла быть лишь внутренняя эволюция обрядности. Упомянутые могильники представляют собой новый тип погребальных объектов, но археологические источники при этом не дают оснований для предположения о смене или появлении нового населения.

Появление могильников нового типа связано с радикальными преобразованиями в социальной структуре древнекарельского общества. Часть населения, надо полагать, группы хорошо вооруженных мужчин-воинов, отмеченная в новгородских летописях как «корела» с 1143 г., воспринимает новую идеологию, что находит отражение в погребальной обрядности. Речь идет о формировании к началу XIII в. местной социальной элиты, активно участвовавшей во внешних для Карелии военно-политических акциях в со-

ставе княжеского войска или новгородского ополчения и познакомившейся с христианством. Внутримогильные конструкции, меридиональная ориентировка погребенных, наличие разнообразных вещей, в том числе и оружия, свидетельствует не о сохранении «языческих» черт в обрядности, а является отражением начала процесса *христианизации*. Важно подчеркнуть, что одновременно другая часть древнекарельского населения, по крайней мере, в Северном Приладожье, продолжает практиковать более архаичный тип обрядности, связанный с почти поверхностными трупосождениями.

ВЫВОД 4. Материалы могильника Кюлялахти свидетельствуют, что своеобразная материальная культура средневековой карелы не завершается в начале XIV в. Этот вывод дает основание для выделения по археологическим материалам еще одного периода в развитии карельской культуры – с XIV по XV в. включительно.

В итоге, на основании проведенного исследования выделены следующие этапы развития погребальной обрядности населения Карельского перешейка и Северного Приладожья во второй половине XI–XV в.:

1. Вторая половина XI в. – XII – начало XIII в. Существуют только могильники с трупосождениями, где погребения многих индивидуумов совершены на каменных «вымоствах». Инвентарь перемешан, отдельные комплексы не выделяются даже приблизительно. Верхняя хронологическая граница существования таких памятников не ясна. В качестве рабочей гипотезы можно высказать предположение, что они существовали и позднее, по крайней мере, в течение первой половины XIII в.

2. 1220–1310 гг. Грунтовые могильники т. н. развитого этапа

Подпериод А: 1220–1290-е гг. Появляются грунтовые труположения в сопровождении значительного количества инвентаря. Погребальный обряд разнообразен, его устойчивые формы не выявляются. Специфичной чертой обрядности являются захоронения нескольких индивидуумов в одной грунтовой могильной яме, но можно заключить, что они не являются

синхронными, а совершались в протяжении достаточно длительного времени. Такие комплексы представляли собой своего рода склепы, где, вероятнее всего, были погребены члены одного рода или семьи.

Для этого времени характерен специфичный женский убор, структурно наследующий традиции эпохи викингов. При погребениях присутствуют изделия как северо-, так и восточноевропейского, в частности, новгородского производства или местные подражания им.

Подпериод В: 1250–1310 гг. В обрядности сохраняются тенденции предшествующего времени. В составе сопроводительного инвентаря появляется «ганзейский» импорт.

3. 1310-е гг.– 1400-е гг.

Развитие традиции грунтовых трупоположений в могильных ямах. Погребальный обряд унифицирован, очевидно, под церковным контролем. Для этого периода характерны надмогильные сооружения из камня типа «жальников» и погребения в гробах. Одновременные захоронения двух индивидуумов присутствуют, но единичны, и общего облика традиции не определяют. Происходят радикальные изменения в женском погребальном уборе – появляются многобусинные височные кольца или серьги, фиксируется изменение общей структуры костюма, появляется значительное количество «ганзейских» импортов, что свидетельствует об интенсификации внешних связей населения региона.

Основные положения диссертации изложены в публикациях:

Монография

1. Бельский С.В. Могильник Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье. Результаты археологических исследований 2006–2009 годов. – СПб.: Наука, 2012а. – 238 с.

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

2. Бельский С.В. Юго-Восточное Приладожье в период 860–950-х годов: проблемы формирования и развития основных типов погребального обряда и их взаимодействие // Археологические Вести. – Вып. 6. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. – С. 197–214.

3. Бельский С.В. Погребальный обряд могильника Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье (по результатам археологических исследований 2006–2009 годов) // Ученые записки Петрозаводского Государственного Университета. – Вып. 3 (124). – Петрозаводск: издательство Петрозаводского ГУ, 2012б. – С. 20–24.

Статьи в других научных изданиях и трудах конференций:

4. Сакса А.И., Бельский С.В., Курбатов А.В., Полякова Н.Ю. Выборг – первые века истории (некоторые итоги исследований 1998–2001 гг.) // Проблемы балтийской археологии. – Калининград: издательство КГУ, 2003. – С. 129–140.

5. Бельский С.В. Пограничные укрепления XIV–XVI веков на Карельском перешейке (первые результаты и перспективы изучения) // Скандинавские чтения 2004 года. – СПб.: МАЭ РАН, 2005. – С. 114–120.

6. Бельский С.В. Новые находки средневековых древностей на Карельском перешейке // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. – СПб.: издательство Русского христианского гуманитарного института, 2006. – С. 242–246.

7. Бельский С.В., Хартанович В.И. Перспективы изучения могильников эпохи Средневековья в Северо-Западном Приладожье (оценка современного состояния) // Радловские чтения. – СПб.: МАЭ РАН, 2006. – С. 244–247.

8. Бельский С.В. О методике поиска и археологического изучения средневековых погребальных комплексов в Северо-Западном Приладожье // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. – Радловский сборник. – СПб.: МАЭ РАН, 2007. – С. 172–176.

9. Герасимов Д.В., Бельский С.В., Лисицын С.Н. Археологические памятники Хейни-Йокского пролива: исследования Карельского археологического отряда МАЭ РАН в 2006 г. // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. – Радловский сборник. – СПб.: МАЭ РАН., 2007. – С. 176–183.

10. Бельский С.В., Лааксо В. Результаты полевых исследований Карельского археологического отряда МАЭ РАН на могильнике Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье в 2007 году (археологический аспект) // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. Радловский сборник. – СПб.: МАЭ РАН, 2008. – С. 178–182.

11. Герасимов Д.В., Субетто Д.А., Бельский С.В. Культурные трансформации в контексте изменений окружающей среды на Карельском перешейке и в Северном Приладожье в голоцене // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке. – Замятинский сборник. Вып. 2. – СПб.: МАЭ РАН, 2008. – С. 165–173.

12. Бельский С.В., Лааксо В. Работы на могильнике Кюлялахти Калмистомяки в 2008 г. // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. – Радловский сборник. – СПб.: МАЭ РАН, 2009а. – С. 84–86.

13. Бельский С.В., Лааксо В. Погребальные комплексы центральной части могильника Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье // Свод археологических источников Кунсткамеры. – СПб.: МАЭ РАН, 2009б. – Вып. 2. – С. 133–175.

14. Шахнович М.М., Бельский С.В. «Новгородские» каменные кресты Западного Приладожья // Свод археологических источников Кунсткамеры. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – Вып. 2. – С. 176–185.

15. Бельский С.В., Лааксо В. Результаты археологических исследований в северном Приладожье в 2009 г. // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 году. – Радловский сборник. – СПб.: МАЭ РАН, 2010. – С. 195–199.

16. Бельский С.В., Лааксо В. Результаты работ Приладожской археологической экспедиции на могильнике Кюлялахти Калмистомяки (Лахденпохский район республики Карелия) // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 году. – Радловский сборник. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – С. 201–205.

17. Бельский С.В. «Острова мертвых»: об одном малоизвестном типе погребальной обрядности населения Карелии в Средневековье – Новое время (предварительное сообщение) // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 году. – Радловский сборник. – СПб.: МАЭ РАН, 2012в. – С. 31–33.

18. Бельский С.В. Карелия и Новгород: к датирующим возможностям конструктивно-технологических, морфологических элементов и декора карельских украшений XIII–XV вв. // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 году. – Радловский сборник. – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 3–11.

19. Saksa A., Belskiy S., Kurbatov A., Polyakova N., Suhonen M. New archaeological excavations in Viipuri. Results of field investigations of the 1998–2001 seasons and current research problems of urban history // *Fennoscandia Archaeologica*. XIX. – Helsinki, 2002. – P. 37–64.

20. Saksa A., Belskiy S., Suhonen M. Kaupunkiarkeologiaa Viipurissa. Turun ja Viipurin kaupunkiarkeologien tapaaminen // Suomen Keskiajan Arkeologian Seura. 2. – Turku, 2002. – P. 4–10.

21. Belskiy S., Saksa A., Suhonen M. Stadsarkeologi i Viborg // *Medeltidsarkeologisk tidskrift* 1/03. – Lund, 2003. – P. 14–30.

22. Mökkönen T., Nordquist K., Belskij S. The Rupunkangas 1A site in the archipelago of ancient lake Ladoga: a house pit with several rebuilding phases // *Fennoscandia Archaeologica XXIV*. – Helsinki, 2007. P. 3–28.

23. Laakso V., Belskiy S. Hopeaa Hiitolan Kaivauksista // *Museoviesti*. – Lappeenranta, 2011. – P. 31–32.

24. Bel'skiy S., Laakso V. New archaeological evidence on the Christianization in Karelia in the 13th – 15th centuries (Northern Lake Ladoga region, Russian Federation) // Salamon M., Wołoszyn M., Musin A., Špehar P., Hardt M., Kruk M.P., Sulikowska-Gąska A. (eds.). *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence. U źródeł Europy Środkowo-wschodniej/Frühzeit Ostmitteleuropas 1,1*. – Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa, 2012. – Vol. I. – P. 767–775.